

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

**«Мысль семейная»
в эпистолярном творчестве В.М. Шукшина**

Аннотация: В данной статье автор рассматривает основные положения концепции семьи В.М. Шукшина, реализованные в письмах известного русского писателя и кинорежиссера. В результате анализа писем выделяются мотивы двух моделей семьи – патриархальной и нуклеарной, нашедших отражение в жизни Шукшина и его эпистолярном творчестве.

In this article the author explores the conception of a family by V.M. Shukshin, implemented in the letters of the famous Russian writer and filmdirector. The analysis shows the motives of the two models of the family – a patriarchal and nuclear, which reflected in the real life and epistolary works of Shukshin.

Ключевые слова: русская литература, эпистолярный жанр, жизнь и творчество В.М. Шукшина.

Russian literature, epistolary genre, life and creation work of V.M. Shukshin.

УДК: 82-94.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: marin@filo.asu.ru.

Тема семьи относится к сокровенной, интимной сфере духовной деятельности человека. В случае с творческой личностью – поэтом, писателем, художником и т. п. – это означает, что семейные отношения автора далеко не всегда могут находить свое открытое выражение в произведениях, предназначенных для широкой публики. Однако мы вправе надеяться на их проявление в личных дневниках и письмах человека искусства. Все сказанное особенно актуально по отношению к В.М. Шукшину. По отзывам современников, Шукшин не был открытым человеком, легко поверявшим окружающим свои мысли и чувства. Неслучайно сестра писателя – Н.М. Зиновьева – вспоминала: «...Свою душу он не распахивал ни перед кем» [Зиновьева, 1999, с. 445]. Возможно, что письма В.М. Шукшина помогут относительно точно представить эволюцию взглядов известного кинорежиссера и писателя в отношении семьи и семейных ценностей. Анализ шукшинского эпистолярия позволяет констатировать сосуществование в личной и социальной жизни писателя двух моделей семьи: патриархальной и нуклеарной.

1. В.М. Шукшин и патриархальная семья

Корни шукшинской концепции семьи уходят в детство писателя. До Великой Отечественной войны в СССР преобладала *патриархальная семья*, которая характеризуется преобладанием мужчины в доме и подчинением ему всех остальных членов семьи – представителей разных поколений. Будучи, как он сам говорил, «крестьянином потомственным, традиционным» [Шукшин, 2009, с. 166], будущий писатель, казалось бы, должен был с детства воспринять идеал патриархальной семьи. Однако история семьи Шукшиных вряд ли дала возможность для

адекватного восприятия и развития патриархальных ценностей у юного Василия. Напомним, что отец В.М. Шукшина – М.Л. Шукшин – был арестован 25 марта 1933 г. (вместе с другими 87 сrostинцами), этапирован в Барнаул, где 21 апреля этого же года осужден по статье 58 и приговорен к высшей мере наказания, а 28 апреля был расстрелян [Гришаев, 1994, с. 28–44]. Мать В.М. Шукшина, опасаясь за судьбу детей, в одночасье ставших «детьми врага народа», перерегистрировала их на свою девичью фамилию – Попова. Фамилию «Попов» будущий писатель носил до своего шестнадцатилетия, когда при получении паспорта вернул себе отцовскую – «Шукшин». Незадолго до начала Великой Отечественной войны мать будущего писателя вторично вышла замуж за односельчанина П.Н. Куксина. Василий не принял отчима. «Вася был ершист и никак не мог смириться с тем, что у нас появился чужой человек» [Шукшин, 1999, с. 422]. В 1942 г. отчим погиб на фронте, и семья вновь осталась без кормильца. Подобная нестабильность внутри семьи, усиленная чувством социальной неполноценности¹, постоянно преследовавшим детей репрессированных лиц, безусловно, повлияла не только на становление характера Шукшина-подростка, но и на специфику его отношения в юношеский период к семье как общественному институту и традиционным семейным ценностям. В апреле 1947 г., внезапно бросив учебу в Бийском автомобильном техникуме, В.М. Шукшин уезжает из родного села. Около двух месяцев мать и сестра ничего не знали о его судьбе. По воспоминаниям Н.М. Зиновьевой, первое письмо от Василия пришло спустя два месяца из Калуги (не сохранилось). При этом брат просил не писать ему по указанному адресу, так как он, якобы, должен был «получить другое общежитие» [Там же, с. 438]. Переписка не завязалась: до 1949 г. писем от В.М. Шукшина больше не было. Первое письмо из дома сам будущий режиссер и писатель получит лишь в 1950 г., будучи уже матросом ВМФ. Как видим, в это время молодого Шукшина явно тяготят семейные связи, он занят поиском собственной дороги в жизни. Как многие молодые люди того времени – эпохи урбанизации – он решил найти себя в городе, а это неминуемо вызвало разрыв не только с крестьянским патриархальным укладом жизни, но и, как следствие, нарушение традиционных семейных связей. Сознательное избегание переписки с родными в 1947–1949 гг. подтверждает вышесказанное.

Первое известное нам письмо В.М. Шукшина датируется октябрём 1949 г. [Шукшин, 2009, с. 196]. В это время Шукшин начал срочную службу в ВМФ и находился в учебном отряде в г. Ломоносов (Ленинградская обл.). Два года скитаний, без постоянного пристанища², изменили юношу, и прежде всего, его отношение к семье, родным. В своем первом после долгого перерыва, небольшом по объему, письме домой Шукшин поздравляет мать с 40-летием: *«Здравствуй, мама! Поздравляю с днем рождения! Мамочка, тебе уже 40 лет. Какова ты сейчас посмотришь бы. Пришли, пожалуйста, свою фотокарточку, да напиши, как чувствуешь себя, как здоровье <...>»* [Там же, с. 196]. Это первое письмо и последовавшие за ним – по сути, попытка восстановления отношений, общения с матерью и сестрой. Во втором письме домой, содержание которого позволяет датировать его условно весной 1950 г., Шукшин отвечает на упреки матери, со-

¹ Как вспоминала двоюродная сестра В.М. Шукшина Полина Михайловна Корбут (Попова), чей отец был арестован вместе с М.Л. Шукшиным: «Мы имели одно имя – дети врага народа» [Пряхина, 2005, с. 141]. Прозвищем В. Шукшина было и такое: «Васька-безотцовщина» [Коробов, 1984, с. 8]. Юный Шукшин, безусловно, относился к категории «трудных подростков», нередко совершал мелкие правонарушения, в частности, по одной из версий, из автотехникума он был исключен за нецензурную брань в адрес преподавателя [Гришаев, 1994, с. 84].

² Н.М. Зиновьева вспоминала: «Однажды ехала я с ним из Судака в Москву. На одной из подмосковных станций (название забыла) показывает он в окно и говорит: “Видишь, Таля, скамейку? Я на ней спал когда-то”» [Гришаев, 1994, с. 65].

державшиеся, по всей видимости, в «первом письме из дома» [Шукшин, 2009, с. 196]: «...Ты упрекаешь меня мама в том, что я так долго не говорил своего адреса. Даже говоришь так: “неужели тебе неинтересно знать, родная мать жива или нет”. Мама, ты в самом деле так думаешь? Да разве мог я забыть о моей матери. Нет, моя дорогая, моя бесценная, мысль о тебе всегда была моим верным спутником. Она поддерживала меня в трудные минуты, она всегда направляла меня на верный путь. Я мог забыть о чем угодно, но не о моей матери. И если я не сообщал адреса, то для этого были причины сильнее моей сыновней любви...». На этот раз переписка с родными завязалась и впоследствии постоянно поддерживалась Шукшиным. Совершенно очевидно, что в это время происходят серьезные изменения в жизненной позиции Шукшина. В письме к Н.М. Зиновьевой (Шукшиной) от 27 марта 1951 г. В.М. Шукшин пишет: «Помнится, ты меня как-то спрашивала, как на меня действует весна. Сильно действует, сестренка. Это 21-я и чуть ли не самая сильная... может быть потому она сильная, что 21-ая. До того времени я жил не “оглядываясь”. Во-первых, не было времени, во-вторых, обстоятельства... Жизнь новая, невиданная, незнакомая развернулась перед глазами и полностью поглотила мое внимание. Сейчас как будто устоялось все и начинает давать знать о себе человеческая природа. Начиная (только теперь, как ни странно) осмысливать, понимать в истинном смысле пройденный путь» [Шукшин, 2009, с. 202]. Происходит возвращение «блудного сына». Шукшин стремится вновь стать частью семьи, быть в курсе ее повседневных проблем и забот. Сохранившиеся 19 писем Шукшина периода флотской службы (1949–1952 гг.) содержат минимум информации об авторе и представляют собой подробные расспросы о близких и обсуждение событий в их жизни. Более того, в письмах проглядывает явное стремление Шукшина взять на себя роль патриарха – главы семьи: он дает советы матери, поучает и наставляет сестру [Там же, с. 197–198, 199–200, 201–202] и даже, пусть и шутливо, угрожает ей и ее подруге, своей будущей жене, М.И. Шумской («Если поссорились, то приеду и обоим надеру уши, несмотря на то, что вам обоим уже за 20. Это я вам гарантирую» [Шукшин, 2009, с. 208]). В июле 1951 г. В.М. Шукшин приезжал в краткосрочный отпуск домой, в Сростки, впервые после четырехлетнего отсутствия. Вполне закономерным стало и его возвращение на малую родину в декабре 1952 г. после досрочного увольнения из рядов ВМФ по болезни.

Положение В.М. Шукшина как главы семьи упрочилось после скоропостижной смерти мужа сестры – А.М. Зиновьева в ноябре 1961 г. Заботу о сестре и племянниках-близнецах – Надежде и Сергее – полностью взял на себя Шукшин. Еще раньше, в декабре 1956 г. В.М. Шукшин крестил племянников и, таким образом, стал их крестным отцом. Н.А. Мясникова (Зиновьева) вспоминает: «Своего дядю мы называли лёлей Васей. Он втайне от отца (вдруг он заупрямится) крестил нас в Бийской православной церкви и поэтому, в соответствии с ее правилами, стал для нас лёлей» [Шукшин, 1999, с. 455]. Этот факт нашел отражение в одном из писем: «Наденька и Сережа, баба Маруся сказала вам, что лёля Вася пришлет игрушки» (М.С. Куксиной, Зиновьевым, декабрь 1961 г.) [Шукшин, 2009, с. 223]. В 1964 г. режиссер организовал сестре и ее детям отдых на Черном море, в Судакке, где сам он в это же время снимался в х/ф «Какое оно, море?». Письмо к М.С. Куксиной, датированное июлем 1964 г. содержит подробную инструкцию о том, как сестре следует добираться до Судака, как распределить высланные деньги [Там же, с. 228]. Целый ряд писем демонстрирует, что дядя и крестный отец всегда интересовался жизнью племянников, переживал за их учебу в школе и поступление в вузы, помогал не только советом, но и материально. Реплика Н.М. Зиновьевой иллюстрирует характер и объем помощи, оказываемой семье сестры Шукшиным: «Всю жизнь я не знала, во что мне одевать своих детей: все он (т.е. В.М. Шукшин – М.Д.) покупал» [Гришаев, 1994, с. 66]. Примером этих слов может служить отрывок из письма В.М. Шукшина сестре, датированном ию-

лем 1974 г. – одного из последних писем режиссера и писателя родным: *«Наташа! Выслал вам всем рыбы соленой, – может, в охотку пойдет. В рыбе золотая цепочка (в 1-й посылке). Затем сгношил еще одну посылку – с тряпками. Но собрал я ее не из-за тряпок, а из-за подарков, подарки там. Хотя Наде костюм, по моему, неплохой, если я не ошибся в размере. Подарки бандеролью посылать боязно, поэтому пришлось целую посылку. Подарки, видно, надо распределить так: маме – одну цепочку и сережки, она просила. Наде – колечко с красным камнем, оно и не дешевое, но и скромное. Тебе – кольцо и цепочку. А Сереже, милому моему сыночку – опять ни шиша, одни значки...»* [Шукшин, 2009, с. 274].

Постоянным адресатом В.М. Шукшина была мать писателя. В письмах Шукшин всегда обращался к матери с нежностью, поддерживал словом, сообщал о посылках, денежных переводах, регулярно отправляемых на родину, советовал новые лекарства, и даже сам в одном из писем приводит рецепт народного средства *«от давления»* (М.С. Куксиной, апрель 1973 г.) [Там же, с. 258]. Часто просил мать не беспокоиться о его здоровье, бодрился даже в последнем своем письме: *«Здоровье у меня – нормально. Вот увидишь в картине: я даже поправился. Все хорошо, родная»* (М.С. Куксиной от 28 сентября 1974 г.) [Там же, с. 277].

Безусловно, что к числу членов большой патриархальной шукшинской семьи следует отнести и старшую, внебрачную, дочь писателя от В.А. Софроновой¹ – Е.В. Шукшину (р. 1965). С 4 марта 1972 г., после процедуры восстановления отцовства, Екатерина по праву стала носить фамилию «Шукшина». Характерно, что в автобиографии от 20 февраля 1973 г., написанной при принятии на работу на к/с «Мосфильм», алтайский режиссер, говоря о своем семейном положении, укажет: *«Женат <...> трое детей»* [Там же, с. 309]. Эпистолярное наследие писателя включает в себя 3 письма, 1 поздравительную открытку и 2 телеграммы к Е.В. Шукшиной. Все они относятся к 1972–1974 гг. Начало переписки с дочерью связано не только с восстановлением отцовства, но, наверняка, и с тем, что именно в 1972 г. Екатерина пошла в первый класс и научилась читать, и, таким образом, могла теперь сама прочесть письма отца. Неслучайно, накануне 1 сентября 1972 г. В.М. Шукшин поздравил дочь с наступающим праздником в телеграмме, посланной из Сросток: *«Дорогая Катенька[!] Поздравляем началом первого [в] твоей жизни учебного года. Здоровья тебе, радости. Папа и вся сибирская семья»* [Там же, с. 255]. Обратим внимание на то, что Шукшин вводит локальный маркер (*«сибирская»*) для обозначения своей патриархальной семьи. «Сибирский» аспект родства будет подчеркнут и в открытке от 9 февраля 1974 г.: *«Катенька, родной мой человечек! С днем рождения тебя! <...> Будь здоровенька! Я в больнице (в Кунцево), но дело не так плохо. Мы же с тобой – полтора сибиряка, так скоро нас не шибишь. Держись, Катюня! Папа Шукшин»* [Там же, с. 265]. Стремится Шукшин и к тому, чтобы отношения с внучкой поддерживали и другие члены «сибирской» семьи, в частности, М.С. Куксина. В письме к матери, датированном октябрём 1972 г., писатель сообщает адрес Софроновых и просит мать написать Екатерине письмо: *«...Катя носит мою фамилию, но если бандероль или посылочка – лучше на мать. Катя, кстати, заболела свинкой. Но уже поправляется. Часто говорю с ней тоже по телефону. И сама Вика болела воспалением легких. Мама, напиши им, пожалуйста, они люди хорошие, а тебе до наших дел нет никакого касательства, а до внучки есть. Учится она хорошо (там еще учебы-то, правда, кот наплакал). Но девочка умная, добрая»* [Шукшин, 2009, с. 255].

¹ Софронова Виктория Анатольевна (фамилия по первому мужу – Старикова) (1931–2000) – литературный критик, в 60-80-е гг. – редактор отдела критики журнала «Москва». Дочь писателя, многолетнего главного редактора журнала «Огонек», А.В. Софронова (1911–1990).

2. В.М. Шукшин и нуклеарная семья

Нуклеарная семья состоит из одного поколения, представленного родителями (родителем) с детьми или без детей. Нуклеарная семья в современном обществе получила наибольшее распространение. Без сомнения, в послевоенном СССР – это признак городской культуры. В основе нуклеарной семьи лежат брачные отношения. Концепция брака в мировоззрении В.М. Шукшина также претерпела определенную эволюцию. В ранних письмах Шукшина-студента ВГИКа прослеживается явно негативное отношение к браку. Уже первые строки письма к троюродному брату, художнику И.П. Попову (январь 1957 г.) обнаруживают точку зрения Шукшина: «...Я рад, что ты не женился. Право же, дело тут не только в свободе, которой тоже очень следует дорожить, но и в чем-то еще, непонятном...» [Шукшин, 2009, с. 212–213]. Та же мысль еще раз, но более аргументировано, звучит и в концовке письма: «Еще раз выражаю благодарность твоей судьбе за то, что она предоохранила тебя от “семейного” шага. Т. е. когда-нибудь ты это, конечно, сделаешь, но не сейчас. Не сейчас, когда ты свеж и у тебя есть хоть немного времени думать, мечтать, радоваться, страдать и работать, работать, работать. Ты понимаешь ли, Ваня, я убежден, что художнику женитьба никогда впрямь не идет. Исторически. Если хочешь – он должен быть одиноким, чтобы иметь возможность думать о Родине, о других людях» [Там же]. Причины подобного негативного отношения к супружеству, безусловно, сокрыты в личном отрицательном опыте В.М. Шукшина: в момент написания письма автор был уже женат. 16 августа 1956 г. в Сростках, во время приезда на каникулы, состоялась свадьба В.М. Шукшина и М.И. Шумской¹. Однако, фактически брак просуществовал недолго. Территориальное разделение неприемлемо для нуклеарной семьи. Скорее всего, главной причиной разрыва стало неприятие Шумской учебы мужа во ВГИКе и его желания впоследствии остаться в Москве. Косвенно такое объяснение подтверждается письмом В.М. Шукшина к своей будущей жене, посланным в сентябре 1954 г., почти сразу же после поступления во ВГИК [Там же, с. 209–211]: в ряде мест Шукшин явно оправдывается перед Шумской за свое «непредвиденное» поступление в вуз, пытается объяснить ей, «как случилось, что я остался в Москве, в то время, как ехал сюда только для заочного оформления...». Возможно, что последовавшая через 2 года женитьба – своеобразное искупление Шукшиным вины перед девушкой, подтверждение чему мы находим в письме Шукшина к И.П. Попову от 13 января 1959 г.: «Ах, какую я ошибку сделал, Ваня! Пожалея человека, а себя не пожалел, идиот. Боже избавь тебя, брат, решать это дело так вот быстро и необдуманно. Тут сейчас всё против меня, а я ничего не могу сделать и не защищаюсь. О чем я думал? Ни о чем. Защищал свою совесть от упреков» [Там же, с. 215]. Из личной неудачи Шукшин пробует вывести закономерность и даже излагает И. Попову в очередном письме (январь 1959 г.) свою «теорию безбрачия»: «С квартирой... было бы, конечно, недурно, если бы дали. А жениться обязательно? Я так сейчас напуган, что побаиваюсь говорить об этом. Знаю одно: нужно очень сильно любить. Даже если просто – любишь, и то может оказаться недостаточным. А у тебя еще дополнительная опасность – тебе надо обязательно работать. Не жить, а работать. Женщины же, по-моему, из ста девяносто девять не способны этого понимать вообще. Вот главная опасность. Великая опасность. Но есть еще не менее великая опасность одиночества. Эту штуку в жизни я тоже несколько вкусил. Итак: две дороги и каждая – опасность!!! А где есть две дороги, всегда можно найти третью: надо рисковать. Надо, наверно, пробовать» [Шукшин,

¹ Шумская Мария Ивановна (р. 1930) – первая жена В.М. Шукшина. В юности – носельчанка Шукшина и одна из ближайших подруг Н.М. Зиновьевой (Шукшиной). Ныне проживает в с. Майма Республики Алтай.

2009, с. 217]. Брак, семья для Шукшина в это время – преграда для активной творческой деятельности, работы, которой так жаждет начинающий режиссер. Идти «третьей дорогой» – т. е. по пути гражданского брака – В.М. Шукшин попробует в начале 1960-х, когда последует череда его романов с актрисой Л. Александровой (которую В. Белов называет «супругой» Шукшина [Белов, 2002, с. 24]), поэтессой Б. Ахмадуллиной и, наконец, с В. Софроновой (эти отношения чуть было не переросли в юридически оформленные). Тем не менее, в 1964 г., после знакомства на съемках фильма «Какое оно, море?» с Л.Н. Федосеевой и последовавшей женитьбы на ней, впервые сформировалась полноценная нуклеарная семья в жизни Шукшина. Рождение дочерей – Марии (1967) и Ольги (1968) – закрепило этот статус. Известно, что некоторое время в семье проживала и дочь Л.Н. Федосеевой от первого брака – А. Воронина¹.

К сожалению, исследователям почти недоступны письма В.М. Шукшина к Л.Н. Федосеевой (см. лишь: [Шукшин, 2009, с. 275]). Но косвенно об отношении алтайского писателя к своей семье могут служить письма к родным (М.С. Куксиной, Н.М. Зиновьевой) и друзьям (В.И. Белову, Г.А. Горышину), в которых Шукшин с большим удовольствием писал о детях – Оле и Маше, нередко приводил в письмах какие-нибудь занимательные истории, связанные с дочерьми (см., например: [Там же, с. 242–243, 244–245, 264–265] и др.).

Как сосуществовали в жизни В.М. Шукшина нуклеарная и патриархальная модели семьи? Исследователи творчества В.М. Шукшина часто приводят следующие известные слова писателя из статьи «Монолог на лестнице» (1968): *«Так у меня вышло к сорока годам, что я – ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже – не между двух стульев, а скорей так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшно. Долго в таком состоянии пребывать нельзя, я знаю – упадешь»* [Шукшин, 2009, с. 26]. Это высказывание Шукшина относят исключительно к специфике его художественного мировоззрения (см., например: [Алавердян, 2010, с. 26]). Думается, однако, что оно вполне может быть отнесено и к шукшинской концепции семьи. Анализ эпистолярия В.М. Шукшина свидетельствует о наличии конфликта между патриархальной и нуклеарной моделями семьи в личной и социальной жизни алтайского писателя. Эти две модели семьи противопоставлены и количественно, и, культурно-исторически (*традиционная vs современная*), и социально (*деревенская vs городская*), и, территориально (*сибирская vs московская*). Учитывая, какую важную роль играли эти же антиномии и в художественном мире писателя, можно утверждать о тождестве основы конфликта в художественном творчестве и повседневной жизни В.М. Шукшина. Фактически используя в повседневной жизни нуклеарную модель семьи, Шукшин исповедовал и стремился к патриархальной.

Своеобразной точкой бифуркации конфликта должен был стать переезд Шукшина на малую родину. Впервые мысль о возвращении встречается в письме к М.С. Куксиной (март 1972 г.): *«Мама, одна просьба: пока меня нет, не придумывайте ничего с домом, т. е. не продавайте (твой, я имею в виду). <...> У меня в мыслях-то – в дальнейшем – больше дома жить, а дом мне этот нравится. Вот после этой большой картины подумываю с кино связываться пореже, совсем редко, а лучше писать и жить дома. Не совсем, но подолгу, по году так... Это, если все будет хорошо. Тянуть эти три воза уже как-то не под силу становится. И вот мечтаю жить и работать с удовольствием на своей родине»*

¹ В ордере на квартиру по адресу: ул. Бочкова, д. 5, кв. 112, выданном Мосгорисполкомом 13 апреля 1972 г., в графе «Состав семьи» (кроме самого В.М. Шукшина) указаны: Федосеева Л.Н. – жена, Воронина А.В. – дочь жены, Шукшина М.В. – дочь, Шукшина О.В. – дочь [Шукшин, 2009, с. 505].

[Шукшин, 2009, с. 252]. Несмотря на то, что дом был все-таки продан¹, в письмах к матери 1973–1974 гг. Шукшин неоднократно поднимал вопрос о покупке другого дома в Сростках [Там же, с. 262, 271, 273]. Еще более укрепился в своем решении о переезде на родину В.М. Шукшин после встречи в июне 1974 г. с М.А. Шолоховым в Вешенской («...именно после встречи с Шолоховым, в его доме, я сам твердо решил: вернусь в Сростки!» («Надо работать!») [Там же, с. 183]). Рассматривался Шукшиным и компромиссный вариант: переезд на Дон (регион более близкий к Москве, к работе): «Конечно, для меня нет красивее села, чем Сростки, красивее реки, чем Катунь... Но разве менее хорош Дон, прославленная красавица-река? Или, скажем, станция Вешенская – чистая, зеленая, степная. Настоящий городок. Вообще должен признаться, я давно увлечен донским краем...» [Там же]. Однако неприемлемость даже такого решения для своей нуклеарной семьи отчетливо понимал сам Шукшин, о чем он и пишет в письме к Л.Н. Федосеевой: «И что это за жизнь такая – что-то надо все делать, куда-то уезжать... Я вот выкопаю здесь землянку, за Доном, и привезу вас, и будем жить неразлучно. Не поедете ведь, вот штука» [Шукшин, 2009, с. 275].

Состоялся бы переезд В.М. Шукшина на Алтай, произошло ли бы безболезненное воссоединение его патриархальной и нуклеарной семей и как отразилось бы это на творчестве писателя – вопросы, которые в настоящее время можно обсуждать лишь вне рамок филологической науки.

Литература

- Алавердян К. Поэтика малой прозы В.М. Шукшина / Пер. с фр. Л.С. Раппопорт. Научн. ред. и авт. предисл. С.М. Козлова. Барнаул, 2010.
- Белов В.И. Тяжесть креста // Белов В.И., Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром: Сборник. М., 2002. С. 3–82.
- Гришаев В.Ф. Шукшин. Сростки. Пикет. Барнаул, 1994.
- Зиновьева (Шукшина) Н.М. Наш дом у горы Пикет // Шукшин В.М. Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М., 1999. С. 420–454.
- Коробов В.И. Василий Шукшин. М., 1984.
- Пряхина А.С. Воспоминания о Шукшине // Шукшинский вестник. Сростки, 2005. Вып. 1. С. 83–151.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения. / Под ред. Д.В. Марьина. Барнаул, 2009.

¹ Осенью 1972 г. М.С. Кукушина продала дом в Сростках и переехала в Бийск, где в кооперативной квартире, купленной В.М. Шукшиным, уже проживала Н.М. Зиновьева (Шукшина). Вскоре Бийским горсоветом М.С. Кукушиной была выделена отдельная квартира.